

23 октября 1996.

Дорогие Нина и Ася!, а равно знаемые и неизвестные мною, появившиеся на свет Божий члены семьи! Милостью Божией на склоне моих дней добрался до Вас, хотя одновременно не могу понять почему никто из Вас не добрался до меня. Я когда-то пользовался известностью в издательском мире Ленинграда. Такой же известностью я пользуюсь в различных кругах, связанных с Православной Церковью зарубежом. В почти каждом храме в Зап. Европе и Америке можно было бы получить мой адрес. Неужели Вам ничего не было известно обо мне? Я все же следил за Вами и получал кое какие данные о Вашем бытии. Даже рождение Димы было мне сообщено из Швейцарии Софией Владимировной Паниной. От времени до времени мне удавалось получить кое какие сведения о том как Вы живете и из других источников, но в общем всего этого было недостаточно. Меня беспокоило также и другое обстоятельство. В связи с выходом в 1967 году моей книги под названием "Гонимая Церковь" разразился неожиданно скандал. Со Старой площади был дан соответствующий сигнал и советская печать начала крыть "матерого антисоветчика", т.е. меня. Одна из статей, посвященная мне называлась: "Человек без родины, совести и чести". Не знаю насколько это правда, но мне передавали тогда из Западной Германии, что Вас обоих таскали в большой дом на Литейном и требовали от Вас отречения от меня, а также развода со мной! Правда ли это?

Перехожу к краткой истории последних 50-!/лет. Я получил твое письмо, посланное в Мариенбад/Чехословакия/, которое подтвердило мне, то, что говорили новые беженцы из советских репатриационных лагерей. Многих ожидал расстрел, почти всех 25 (лагерей). Поэтому "племянник Александры Андреевны"/так ты весьма разумно высказалась в письме/предпочел советским концлагерям западный мир. Кроме того, мое возвращение и неизбежное осуждение отозвалось бы на вас обеих. Вам грозила высылка из Ленинграда, как родственников осужденного по 58-й статье. Не знаю было ли Вам легче от того, что я где то умирал в концлагере, а вы обе прозябали бы в глухой провинции в Сибири. Поэтому решение было принято: ход на запад и не менее пяти лет полной изоляции от семьи, включая всякие попытки наладить связь. Писать тебе я боялся. Говорят, что было еще одно письмо от тебя, пришедшее после моего отъезда, которое я увидел издали при моем аресте американскими органами безопасности/об этом ниже/.

При мне был тяжелейший чемодан с необходимыми мне церковными вещами. На фронте я получил довольно тяжелую контузию позвоночника, приведшую к смещению диска в пояснице и осколочное ранение в правую ногу/вниз/. При ходьбе, а особенно при ношении тяжестей возникали невыносимые боли. Помогал только корсет, но и только. До границы Чехословакии меня довез извозчик. У пограничного шлагбаума мне предложили вернуться в советскую миссию в Праге, т.к. ^{было приказано} не выпускать из страны всех русских подлежащих насильственной репатриации. Пришлось вынуть

последние деньги и вручить этому бдительному стражнику. Шлагбаум был поднят и я очутился за пределами Чехословакии. Передо мной было чистое поле, вдалеке чернела полоса леса. Это была американская зона оккупации Германии. Невыносимо болела спина, шел мокрый снег, перемежающийся с дождем. Кругом никого. Пограничные жандармы укрылись в своем теплом помещении. Рядом тяжелый чемодан. Апостол Павел говорит, что Бог посылает испытания людям в пределах их сил. И когда я это вспомнил, то поднял все же этот чемодан и побрел по направлению к германской границе. Сколько времени я шел - не знаю. Довольно долго; я не шел, а тащился. Граница оказалась свободной/открытой/и вскоре увидел немецкую надпись, говорящую, что я нахожусь неподалеку от железнодорожной станции. Еще немного и я ввалился в поезд, который отвез меня в город Байройт/Бавария/, находившийся в ведении американской военной администрации. Здесь я устроился в лагере беженцев из СССР, Польши и других подсоветских стран и, наконец, получил какую то горячую пищу.

Теперь вернемся несколько назад. Получив освобождение из лагеря военнопленных благодаря вмешательству митрополита Германского и Берлинского Серафима, и при поддержке еще других русских сил, я должен был оглядеться вокруг. Состояние мое было ужасное. Потеряв в весе, я почти ничего не весил. Надо было снять советскую военную форму, а одеть было нечего. Я выглядел оборванцем, закутанным в какое то старое одеяло. На меня было страшно смотреть. И в этот момент пришла помощь. В Байройте, несмотря на мой бандитский вид, я познакомился с семьей Парамоновых. Возможно это имя тебе знакомо. Это семья донских казаков, в прошлом миллионеров, имевших на Дону пароходство, мельницы, экспортировавших российский хлеб в Европу/как последнее чудно звучит в наши дни!/, владельцев значительной части угольных шахт в Донбассе, эмигрировавших еще с армией ген. Врангеля. Дочь Парамонова Анна Николаевна, приняла во мне участие, достала мне необходимую одежду, моментально доставила меня к своему врачу, который обнаружил у меня ряд дефектов, нажитых на фронтах "великой отечественной", помогла урегулировать "зубную проблему", т.к. на войне я потерял двенадцать зубов и должен был одеть мой первый протез. Молодая, здоровая, энергичная, знавшая и говорившая свободно на пяти языках, выросшая в Европе и плававшая в ней как рыба в воде, она подружилась со мной, несмотря на уговоры родителей и недовольное бурчание двух братьев, она уехала со мной в далекую Аргентину, и прошла со мной весь путь политической эмиграции. Она скончалась от рака легких на моих руках в 1992 году. Можно, конечно, все это осуждать, но можно и должно понять. Анна, как все казачки, вела себя все эти годы героически и если мне удалось в эмиграции кое что сделать для освобождения России и Российской Церкви, то это было сделано при ее непосредственном участии. И те двенадцать книг и несколько сот статей, мною написанных и опубликованных были выполнены при ее постоянной моральной поддержке и спокойной выдержке при нападениях на меня и попытке меня убить агентами КГБ. На эти отношения нельзя

смотреть как на какой то эмигрантский романчик, надо понять, что это было боевое содружество в борьбе с общим врагом. Ни я, ни она в жизни не знали, что тако ненависть. В ^{этом} отношении меня ты это прекрасно знаешь. Но здесь нас обоих охватило чувство ненависти к "дорогой советской власти" и мы горели этим чувством до конца.

Кстати, здесь вполне уместно вспомнить, что во время пребывания моего в Байройте, агенты КГБ загноили меня в тюрьму. Был сделан донос в американскую военную разведку, что я это вовсе не я, что живу по поддельным документам и являюсь советским шпионом. Подпись знакомая. Американцы клюнули на это и мне пришлось просидеть в байройтской тюрьме около полугода, пока вся эта история выяснилась и деятели разведки принесли мне извинения. Расчет был сделан на то что американцы вышлют меня из Германии и я попаду в объятия КГБ.

В Аргентине/начало пятидесятых годов/ сложилась следующая обстановка. В начале мне пришлось работать простым линотипистом. Работая в тропической жаре (Буэнос Айрес — южноамериканский Нью-Йорк по существу является субтропическим городом) я часто благодарно вспоминал покойного Г. Гильо, в свое время натаскавшего меня на линотип. Здесь это пришлось весьма кстати. В Буэнос Айресе было конечно достаточно наборщиков, но наборщиков знающих русский язык и русскую клавиатуру почти не было. Поэтому я был почти что нарасхват. А эмиграция пребывала, а с ней появились желающие издаваться и высказываться!

Через некоторое время я открыл собственную газету "Новое Слово", просуществовавшую 12 лет, вплоть до моего отъезда из Аргентины. Газета имела успех, сплотила вокруг себя умеренные и разумные элементы эмиграции, вызвала ярость в просоветских и крайних правых кругах. Газета была непредвзятая/ "не делите шкуру неубитого медведя" / и оказалась в этой своей установке абсолютно правой, как это мы видим теперь. Благодаря деятельности "Н.С." была сорвана массовая репатриация старой русской эмиграции дореволюционного времени/ их тут было до 300 тысяч/. Кремль хотел вернуть их в СССР, чтобы пополнить недостаток рабочей силы сложившийся после войны. Советское посольство в Буэнос Айресе подготовило 30.000 репатриантов, хотевших вернуться на свою "счастливую родину". Мы восстали против этого и в результате долгой, упорной и опасной кампании, число репатриантов упало до 3.000. Репатриация из Аргентины была сорвана нами при дружной поддержке почти всей эмиграции/послевоенной/. Ответ был "соответствующий": был отравлен и умер мой ближайший помощник югославский журналист Николай Февр; был убит ^{М. Соколов} наш сотрудник б. журналист из "Пятигорского эха". Наконец, взялись и за меня. На банкете в Русском доме мне был любезно предложен бокал с отравленным вином. Подававший сделал ошибку: вместо того, чтобы снять с ледника очередной бокал, он явно задержался, чтобы выбрать

какой то определенный стакан, стоявший несколько отдельно. Прodelали они это по-дурацки, я сразу заметил маневры подавальщика и незаметно передал вино на лабораторный анализ. Оказалась яд.....

Во время моего пребывания в Берлине/еще во время войны/я был довольно тесно связан с берлинским епархиальным управлением, возглавляемым митрополитом Серафимом, немцем по происхождению и русским душой. Православие неизбежно руссифицирует всех. В связи с прибытием большого количества беженцев, отступавших вместе с немецкой армией, у митрополита создался кризис духовенства. Местных староэмигрантских батюшек не хватало, новых из СССР было очень мало. В один прекрасный день митрополит предложил мне сан священника с тем, что я буду окормлять/церковное выражение, заменяющее "обслуживать"/южный сектор его епархии, где были сосредоточены лагеря военнопленных, остовцев и воинские части Освободительной армии ген. Власова. По его мнению кроме меня он никого не знает более подходящего для этой цели. Пожалуйста не подпрыгивай от упоминания Власова. Все, что писала о нем и о его соратниках советская печать--беспардонная ложь. Все было "совсем наоборот". Если не этот идиот Гитлер--советская власть пала бы 50 лет назад. Он помешал создать национальную освободительную армию и нанести сокрушающий удар. ^{Боялся нас.} Делавших вступить в эту армию--были миллионы. Но не об этом идет речь. Я принял предложение митрополита и с тех пор, более 50 лет ^{священствую}. Церковь оценила мою деятельность. Я имею все церковные награды и с почетом ушел на пенсию, когда мне было 76 лет. Но тогда, в те сумасшедшие годы, мне пришлось в тяжелейших и опаснейших условиях делать свое дело, что послужило поводом для всякого рода нападков.

В конце 50-х годов я решил вернуться в Зап. Европу. Но Архиерейский Синод Северо-Американской Митрополии, к которой я имел прямое отношение, предложил мне вместо Европы переехать в США. Отказаться я не мог. Таковы правила церковной дисциплины. В Америке я служил на разных приходах, включая Сан-Франциско, Бостон, Сиракузы и др. и на старости лет остановился "у синего моря" на берегу Атлантического океана, недалеко от Бостона в курорте-городке Хаяннисе.

Прилагаю рождественскую листовку, т.к. надеюсь, что это письмо может быть дойдет до Вас до Рождества или близко к нему. Через несколько дней пошлю копию. Храни Вас всех Господь Всемилостивый, как хранил он меня! Надеюсь, что скоро мы увидимся.

распространялись в СССР
и, в частности в Ленинград.

